

Иоанна
ХМЕЛЕВСКАЯ

JOANNA CHMIELEWSKA
NAJSTARSZA PRAWNUCZKA

Июна
УМЕЛЕВСКАЯ

Старшая
правнучка

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.162.1-312.4
ББК 84(4Пол)-44
Х65

Серия «Всё красное» выходит с 2013 года

Joanna Chmielewska
Najstarsza prawnuczka

Перевод с польского В.С. Селивановой

Оформление — Александр Шпаков

Хмелевская, Иоанна.
Х65 Старшая правнучка : [роман] / Иоанна Хмелевская ;
[пер. с пол. В. С. Селивановой]. — Москва : Издательство
АСТ, 2016. — 416 с. — (Всё красное).

ISBN 978-5-17-095903-7

В книге Иоанны Хмелевской «Старшая правнучка» есть тайна, необычное родство, любовь, семейные сокровища, а также портрет и дневник прапрапра... бабушки, некогда пленившей воображение самого Наполеона Бонапарта...

УДК 821.162.1-312.4
ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-17-095903-7

© Joanna Chmielewska, 2016
© Перевод. В.С. Селиванова,
наследники, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Я, нижеподписавшаяся, Матильда Вежховская, девичья фамилия Кренглевская, дочь Теодора и Антонины, урожденной Заворской...

— Ну что ты понаписала, глупая баба! — вмешался в творческий процесс жены Матеуш, заглядывая ей через плечо. — Все перепутала! Ведь ты же наследство не себе оставляешь, так и нечего всех бабок перечислять. В завещаниях такие данные приводятся лишь о наследниках.

Матильда спохватилась — муж прав, однако признать такое не в ее характере, без борьбы она никогда не сдавалась.

— А если мне хочется так писать? Что, завещание будет недействительное?

— Да нет, действительное, но глупое.

— Сам ты глупый! Вот я никогда не мешаю тебе писать что вздумается, и ты не вмешивайся. А ну, пошел отсюда!

— Не уйду, ты ведь такого вздору нанесешь. Говорил тебе — вызови нотариуса.

— Не хочю. Нотариус тоже человек, проболтается. Отвяжись!

Расставив пошире локти на письменном столе, чтобы мужу несподручно было подглядывать, Матильда вернулась к прерванной писанине:

...будучи в здравом уме, крепкая телом и духом, незначительно лишь подорванными возрастом...

— «В здравом уме!» — хихикнул Матеуш. — Да кто в это поверит, прочтя твои благоглупости?

— Сам дурак! — рявкнула не на шутку разозленная супруга. — Молчал бы уж. Всю жизнь идиотом был, таким и остался! Не знаешь разве — заветания всегда так пишутся. А что, интересно, ты написал? Неужели правду? «С детства умственно отсталый, а сейчас и телом и духом одряхлевший, собственных детей и внуков не помню...» Рамолик несчастный!

— Это еще неизвестно, кто из нас рамолик! — обиделся Матеуш. — Скажите, «крепкая телом и духом». Постреленок этакий!

— Я же добавила: «подорванные возрастом»!!!

— Вот уж точно, подорванные. Хоть одно правдивое слово.

— А ты... а ты... вспомни, что было, когда я попросила тебя вазон переставить. Из рук твоих немощных вывалился! «Скользкий», видите ли, как же, специально кто-то его маслицем смазал! Тяжелый, видите ли, роза в глаза колет, видите ли...

— Вот именно. Надо совсем уже ничего не сообщать, чтобы заставить меня проклятую посудину переносить. Мало того, что она из серебра, так еще с водой. Тут и молодой батрак надорвется, не меньше ведь центнера весит. Да и я хорош, не подумавши схватился...

— А когда-то и не такую тяжесть поднимал, — промолвила Матильда, вдруг сразу стихая.

— Да и ты заводная была... Оркестр устанет, а ты бы все плясала, — так же задумчиво подхватил Матеуш.

И оба замолчали, испытывая какую-то бессмысленную претензию друг к другу за то, что постарели. Годы летели незаметно, здоровьем оба отличались отменным, многочисленная прислуга избавляла от необходимости тратить лишние силы на физическую работу, и, практически не разлучаясь, супруги не замечали происходящих с каждым перемен. Только вот такие выдающиеся события, как с дурацким вазоном, заставляли их иначе взглянуть друг на друга. Да, приходилось признать — многое утрачено безвозвратно. Впрочем, и не очень-то хотелось жалеть ушедшую молодость, их старость, без болезней и печалей, была даже приятной.

— Нашел время возрастом корить! — гневно сказала Матильда. — Видишь же, занимаюсь ответственным делом, а ты нос суешь и критикуешь! Напишу по-своему, все равно сойдет.

Матеуш, однако, нешуточно расстроился. Случай с вазоном как-то очень наглядно выявил старческую немощь, с чем не так-то просто примириться. Вот он и сидел молча, чувствуя, как того и гляди лопнет от распивавшего его протеста, и совсем позабыв о завещании. Это и дало Матильде возможность беспрепятственно настроичить чуть ли не половину текста.

...Старшему сыну моему Томашу оставляю полученное мною в приданое поместье в Пляцувке, под Варшавой, вместе с садом площадью в четыре морга и домом со всем, что в нем находится, не оговаривая никаких условий, за исключением одного: чтобы нахо-

дящихся в доме фамильных портретов моей бабки и деда не продавал никогда. Дочери моей Ханне, по мужу Кольской, оставляю второе доставшееся мне в приданое имение — старинное поместье с огородом и садом в полторы влуки** в местечке Косьмин, что подле городка Груйца, и пусть делает с ними что хочет. Своему младшему сыну Лукашу оставляю пятьдесят тысяч золотых, положенных на мое имя в банк. Моей младшей дочери Зофье, замужем за паном Костецким, завещаю тридцать тысяч золотых, в том же банке на моем счету лежащие. Оставляю моим внукам: Барбаре, дочери Томаша; Дороте и Ядвиге, дочерям Ханны; Катажине, дочери Лукаша, и Дануте, дочери Зофьи, — все мои драгоценности. Алмазный гарнитур — Барбаре, рубиновый — Дороте, сапфировый — Ядвиге, изумруды — Катажине, с рубинами и жемчугом — Дануте. Все упомянутые гарнитуры я разложила по шкатулкам, надлежащим образом обозначенным. Сверх того, самой старшей моей правнучке по женской линии, дочери Дороты, внучке Ханны, оставляю мой дневник, в молодости мною написанный, вместе со шкатулкой, в которой он лежит. Читать дневник не разрешаю никому, за исключением самой старшей моей правнучки по женской линии. И еще той же правнучке оставляю мой дом в Блендове, перешедший ко мне от бабушки...

На этом творческий процесс, от которого Матильда уже начала получать удовольствие, пришлось прервать. И виной тому был супруг. За считанные минуты, как это бывает с тонущими, в голове Матеуша пронеслась вся их совместная жизнь и все накопившиеся за долгие годы

* Старинные польские меры площади. Морг равен приблизительно 56 арам, влука — 16,8 га. — Здесь и далее прим. пер.

претензии к жене. Он похвалил себя за то, что свое-то завещание составил как следует, у нотариуса, причем Матильде не оставил ни гроша, все поделив между детьми и внуками. Да и не было необходимости заботиться о будущей вдове, поскольку она располагала независимым состоянием. Выходя замуж за Матеуша много лет назад, Матильда предусмотрительно настояла на брачном договоре, определявшем имущественные права будущих супругов. Наверняка она тоже его ни словом в завещании не помянет.

Ничего не попишешь, Матильда имела полное право распоряжаться тем, что получила в приданое, но, по правде говоря, упомянутое имущество гораздо внушительнее выглядело на бумаге, чем в действительности. Вот разве что деньги, положенные в банк, представляли реальную ценность, все же остальное... Поместья и земельные угодья находились в жалком состоянии, и еще неизвестно, хватило бы банковских средств на их восстановление или нет. А обозначенные важным словечком «гарнитуры» драгоценности Матильды вряд ли заслуживали этого названия. Кулончик на золотой цепочке, к нему серьги или браслетик, парочка колец — вот и все. Другое дело, что, обладая незаурядным вкусом, Матильда умела подбирать драгоценности к платьям и выглядела в них когда-то потрясающе. Но было и кое-что еще.

Матеуш неоднократно ломал голову над тем, что сделала жена с наследством, доставшимся ей от бабки, той, чей портрет висел в бревенчатом доме в Пляцувке. Ходили слухи, что эта бабка была дочерью самого Наполеона. Сохранились какие-то смутные семейные предания, будто прабабка Матильды, женщина потрясающей красоты, привлекла внимание императора Франции и по проше-

ствии положенного времени на свет появилась дочурка. А в те благословенные времена дамские драгоценности были в большой моде. Матеуш видел, что, когда бабка Матильды лежала на смертном одре, она о чем-то долго шепталась с внучкой, но о чем — так и не узнал. Не захотела Матильда рассказать мужу, даже скандал ему закатила, обвинив в алчности уж никак не заслуживавшего таких инсинуаций супруга, так что Матеуш обиделся и расспрашивать перестал, тем более что сам никогда нужды не испытывал.

Таким вот образом наполеоновские презенты оказались покрыты мраком неизвестности, о них супруги не заговаривали, и, даже когда на больших балах все дамы чуть с ума не сходили от сияния украшений его жены, Матеуш вопросов не задавал. Гордый он человек. Сейчас же, когда Матильда взялась за составление завещания, он подглядывал главным образом из-за этих легендарных сокровищ — а вдруг упомянет их в завещании?

Под старость оба они почти не покидали свое роскошное поместье, привольно раскинувшееся на сотнях гектаров под Глуховом, недалеко от Варшавы. Да и другие их владения располагались вокруг Варшавы. Так уж повелось, что издавна здешняя шляхта предпочитала вступать в брачные союзы по соседству, не выходя за пределы Мазовии. Долгие годы Матеуш не мог забыть претендента на руку Матильды, чьи владения находились где-то на окраине Польши, то есть у черта на куличках. Что с того, что претендент этот был в родстве с Потоцкими? И ведь легкомысленная Матильда чуть было не отдала ему предпочтения, какой позор, все никак не могла решиться, кого же выбрать, вечно сравнивала его с Матеушем. А потом тот на самое дно скатился, так ему и надо. Вышла бы за того кретина, сейчас бы по деревням милостыню под окнами просила...

— Недолго бы просила, — ядовито отозвалась Матильда, — уж твой кусок хлеба у меня бы в горле комом стал. И чего ты злишься? Потому что по-моему вышло, не погрел руки на моем добре?

И она была права — в самом деле, материальная независимость супруги невыносимо раздражала Матеуша. Идея брачного договора пришла в голову тестю, отцу Матильды, и он же претворил ее в жизнь с помощью опытного юриста-еврея, с которым подружился еще в юности. Кто-то из них спас другому жизнь — достаточный повод, чтобы сделаться друзьями до конца дней; юрист трясся над имуществом друга как бараний хвост, заботясь о нем больше, чем о своем собственном. Ну и о дочери друга тоже. Матеушу Матильдино приданое было совсем не нужно, не из-за него женился на девушке, но ее полнейшая независимость была просто невыносима. Из-за этого он не имел над Матильдой никакой власти. Ничего не мог ей запретить, жена вольна была поступать как ей заблагорассудится, путешествовать, принимать собственных гостей, покупать любые наряды и — о ужас! — даже ставить деньги на скачках.

Что Матильда нередко и делала.

Иногда Матеушу казалось — у него не жена, а капризная куртизанка, способная в любой момент его покинуть. Правда, положительным качеством сумасбродной жены было то, что покидать мужа и изменять ему она не собиралась, к тому же регулярно рожала поразительно удачных детей. Ну и всякие другие куртизанки уже просто для Матеуша не существовали.

Хорошо хоть то, что Матильда согласилась выбрать постоянным местом их пребывания старинное поместье его предков. Отреставрировала, превратив его в роскошный дворец, и стала в нем образцовой хозяйкой. Проявив

бездну вкуса, во всем шла в ногу со временем, умеренно соблюдая и старинные традиции. По мнению мужа, Матильда все-таки излишне увлекалась новомодными изобретениями, такими, как электричество, ваннные комнаты с горячей водой, телефоны и автомобили, а все это сущие порождения дьявола. Правда, в конце концов Матеуш каждый раз вынужден был признавать, что определенную пользу эти изобретения приносят, пусть и из пекла родом. Да и все равно сделать бы он ничего не смог, жена его не слушалась, хотя и грозил не дать денег. А зачем ей его деньги, если были свои? Вот и злился на нее всю жизнь, но и любил безумно и всегда пасовал перед неувядаемым очарованием супруги.

И лишь один раз в жизни решительная и излишне самостоятельная Матильда проявила женскую слабость, дотоле ей совершенно не свойственную, и бросилась на грудь мужу с рыданиями, ища у него защиты и утешения, что он с энтузиазмом и предоставил. Случилось это через полтора года после похорон блендовской бабушки, когда они были еще очень молоды и даже не всех детей успели породить.

Оба были на похоронах, Матильда, главная наследница, обо всем позаботилась, все как следует организовала, включая и поминки. А коготки показала лишь после того, как разъехались родственники. Сократила до минимума количество слуг в бабкином доме и заявила мужу, что собирается сделать в нем ремонт, за которым будет наблюдать лично. Ни просьбы, ни угрозы мужа не помогли, Матеуш из себя выходил, но все впустую, и один уехал домой. Надо же было кому-то присмотреть и за их маленькими детьми, и за сенокосом, и за коровами, которым аккурат пришла пора телиться, и на конюшне за молодняком. Пришлось выбирать — терпеть огром-

ные убытки, бросив дом и хозяйство без присмотра, или уехать, оставив жену в старом бабкинском доме. Нет, разориться он никак не мог себе позволить, амбиция заела, не станет он беднее жены!

Матильда вернулась только в конце июля, взаимное раздражение и страшная ссора кинули их в объятия друг другу, в результате чего в следующем году родился сын Лукаш. А через месяц и произошло то уникальное событие.

Они сидели за ужином, когда из Блендова, загнав лошадь, прискакал посланец и привез страшную весть. В барском доме произошло ужасное и непонятное преступление. Один труп лежит совсем мертвый, а второй ранен, во дворе же какой-то чужой человек того и гляди кончится, а какие-то черные сбежали...

Вот тогда-то, выслушав это сбивчивое и маловероятное сообщение, Матильда первый раз в жизни пала духом и признала превосходство мужа, с рыданиями припав к его груди. Матеуш не столько поразился необычному происшествию, сколько необычному поведению жены, увидев в ней вдруг слабую женщину, и в нем заговорило желание проявить себя рыцарем и сильным мужчиной, чего до сих пор ему не давали сделать. Он велел немедленно запрягать и мчаться в Блендово, хотя была уже глубокая ночь. Правда, в июне ночи короткие, к тому же светила полная луна...

Все это Матеуш припомнил сейчас, и его охватило непреодолимое желание действовать.

Некогда, в молодые годы, он просто поднимал высоко вверх кресло с сидящей в нем супругой, наслаждаясь испуганными криками и неприкрытым восхищением, что выражали ее большие глаза. Да, именно так и надо

поступить! Позабыв о возрасте и о том, что с годами жена стала намного тяжелее, сорвался Матеуш с места и, схватившись за ручки кресла, в котором восседала раздобревшая Матильда, поднял его вверх. От неожиданности Матильда вскрикнула, а на текст завещания капнула громадная чернильная клякса. Матеуш намеревался, как это делал в молодые годы, поднявши кресло с женой, опустить им круг и опустить на прежнее место, но кресло вдруг с грохотом брякнулось туда, где стояло. Вцепившись в подлокотники, застыла в нем Матильда, а за ее спиной, вцепившись в те же подлокотники, в полупоклоне застыл Матеуш. Страшная боль в позвоночнике пригвоздила его к месту.

Матильда оказалась словно в западне — колени зажаты под столом, сверху, стиснув зубы, навис муж. Ни вырваться, ни отодвинуться. Даже до звонка не дотянуться, чтобы позвать слуг. Чистое светопреставление! Наверное, со стороны они напоминали скульптурную группу в камне или бронзовые фигуры. К счастью, обе фигуры все-таки не были каменными. Матильда дергалась, и каждое ее движение заставляло Матеуша испускать дикие крики, которые в конце концов и привлекли внимание прислуги.

Постучав, камердинер решился заглянуть в барский кабинет. Милостивая пани при виде слуги громким голосом распорядилась: во-первых, забрать милостивого пана и уложить в постель; во-вторых, тотчас же послать за доктором. Второе распоряжение выполнили немедленно, первое же не сразу. Милостивый пан не позволял к себе прикоснуться, так и стоял за спиной супруги, согнувшись и продолжая вопить благим матом. Потерявшая свободу действий барыня вскоре потеряла и терпение.

— Ладно, нет худа без добра! — решила она. — Пусть хоть одно дело закончу.

И, размахисто подписавшись под своим завещанием, приказала камердинеру:

— А вы, Феликс, здесь распишитесь. И пришлите еще из прислуги кого-нибудь, только грамотного, ну хотя бы Словиковскую.

При таких необычных обстоятельствах закончилось оформление завещания Матильды Вежховской, вот почему не упоминалось в нем о наполеоновских дарах, вот почему отсутствовало предполагаемое красочное завершение документа с перечислением имущества, завещаемого дальним родичам и прислуге. Какие тут родичи, когда за спиной стонал и кричал супруг, а это при составлении завещания не очень подходящий аккомпанемент, и уж слишком долго, по мнению Матильды, он продолжался. Большой силой воли обладал ее супруг, даже в старости, и сознание потерял лишь в момент прибытия доктора. Только благодаря этому удалось оторвать его от кресла и перенести в постель.

Местный знахарь с полного одобрения врача вставил на место выскочивший позвонок, и вскоре Матеуш восстановил пошатнувшееся здоровье. Матильда же после всего пережитого не возвращалась более к своему завещанию, полагая, что все нужное в нем написала. Не перечитывая, сунула в конверт, заклеила лаком и припечатала своей печатью, после чего занялась мужем.

А происходило это в 1930 году от Р.Х., в самой середине между двумя войнами.

Что же касается страшных происшествий в Блендове, которые так потрясли Матильду и первый раз в жизни заставили ее искать помощи у мужа, то их подробно описала одна бедная родственница Вежховских, некая панна Доминика Блендовская, домоправительница в та-